

Л.Г. ТИТАРЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПОСЛЕ 1945 г.: НЕМЕЦКИЕ ВЕРСИИ

Рассматриваются основные социальные теории и направления в развитии социологии в Германии после окончания Второй мировой войны и до середины 1980-х гг.

The article discusses the major social theories and tendencies in the sociological development in Germany within the period from the end of World War Two till mid-1980s.

Во второй половине XX в. центр развития социальной теоретической мысли, как подтверждает история социологии, снова переместился в Европу. По мнению ряда авторов, этому способствовали прежде всего наиболее знаменитые немецкие социологи – Юрген Хабермас и Никлас Луман, которые предприняли грандиозные попытки теоретического синтеза идей. Независимо от того, как оцениваются результаты подобного синтеза (до сего дня нет ни одной интегральной теории, которая удовлетворила бы всех), этот факт действительно свидетельствует о том, что Германия за 25–30 послевоенных лет сумела восстановить свой интеллектуальный потенциал, а затем опередить другие европейские страны. Отсюда и интерес к исследованию немецкой теоретической социологии, ее традиций и инноваций.

Анализ немецкой социологии уже осуществлялся как в советской, так и российской социологии: благодаря усилиям Ю.Н. Давыдова была тщательно проработана веберовская тематика и ее влияние на последующее развитие национальной социологии¹; в начале XXI в. в Санкт-Петербургском университете выпущены две объемные монографии, посвященные современной немецкой социологии²; предпринимались и сравнительные исследования национальных школ социологии³. В Германии разные авторы пытались осмысливать причины быстрого взлета национальной социологии после Второй мировой войны, выявить ее черты и особенности⁴. Однако само исследовательское поле настолько объемно, что оставляет простор для многих новых трактовок и акцентов в анализе данной темы.

Цель статьи – представить развитие теоретической социологии в Германии после Второй мировой войны как процесс постепенного возвращения доминирующих позиций в мире. Наше внимание будет обращено не только и не столько на ключевые фигуры, сколько на те проблемы и имена, которые остались менее известными в имеющейся отечественной социологической литературе по данной теме и без которых невозможно представить всю панораму послевоенного развития немецкой социологии.

Когда Вебер стал классиком

Развитие немецкой социологии в XX в., если посмотреть на него из нашего «сегодняшнего далека», неизменно представляется проходившим прежде всего под влиянием идей Макса Вебера. В исторической ретроспективе это не совсем так. Как пишет Э. Шойх, в 1920-е гг. «Вебер не был особенно важен для социологии»⁵. Вебер был «причислен к классикам» с легкой руки Т. Парсонса лишь в конце 1930-х гг. Размышляя по этому поводу, современные немецкие социологи Х. Йоас и В. Кнебл пишут: «Именно Парсонс в 30-е годы XX века, в крайне сложный период для социологии во всем

мире, сумел свести воедино теоретическую дискуссию, которая с момента основания дисциплины становилась все более размытой, и помимо всего прочего провозгласить содержание работ Дюркгейма и Вебера ядром социологической мысли. Первая важная работа Парсонса “Структура социального действия”, изданная в 1937 году, была и первой попыткой составления такого канона»⁶.

В самой Германии в это время пришедший к власти нацизм уже нанес ощутимый удар по развитию общественных наук. Интеллектуальный прорыв, образовавшийся в Германии в 1930–1940-е гг., связанный с вынужденным молчанием одних социологов и самороспуском Германской социологической ассоциации в 1934 г. (Визе) либо эмиграцией многих других (Кениг, Плеснер), либо сотрудничеством с режимом третьих (Гелен), либо тюремным заключением четвертых (Шпанн), был настолько тяжел, что страна не могла оправиться от него еще около двух десятилетий. В эти годы в довоенной германской социологии Вебер оставался «одним из многих» – наряду с теми, чье имя позволялось упоминать в подконтрольной режиму университетской среде. После войны картина резко изменилась под влиянием прежде всего внешних факторов денацификации общества и демократизации образования и социальной науки, так что Вебер опять-таки не был в центре внимания немецких социологов. На первый план – ввиду дискредитации прежних теорий во времена нацизма и под влиянием резко возросших потребностей социально-экономической жизни страны – вообще вышла эмпирическая традиция. Эмпирическая социология, особенно индустриальная, быстро развивалась и, как и в ряде других стран Запада в середине XX в., на время вообще «затмила» собой теоретические традиции (Рене Кениг).

Ренессанс Вебера наступил в конце 1960-х гг. Толчком к нему послужил съезд Германского социологического общества в 1964 г., на котором переосмысливалось веберовское наследие, чему способствовал и Парсонс, не раз приезжавший в Германию⁷. И хотя эти два великих социолога XX в. представляли разные направления и никогда не встречались, их имена часто пересекаются в истории социологии, а их теоретические идеи в послевоенной Германии легли в основу так называемой веберовско-парсонианской парадигмы, в рамках которой успешно развивалась теория социального действия и возникшая во многом на основе эволюционистских парсоновских идей о социальных изменениях теория модернизации.

По мере дальнейшего развития Германия постепенно преодолевала последствия национал-социализма не только в экономике, политике, но и в образовании и науке. Предпринимались теоретические попытки осмысливания нацизма, его причин, поиски способов его окончательного преодоления. Как пишет об этом времени Х. Йоас, родившийся после войны и ставший свидетелем мучительных попыток многих интеллектуалов разобраться с корнями нацизма, в научной среде постоянно задавались вопросы о нацизме: «Откуда он появился? Как это могло произойти? Почему люди, не будучи одержимыми, верят в такое и совершают такое?»⁸

Наше внимание будет сконцентрировано на общих характеристиках развития немецкой послевоенной теоретической социологии, ее национальных особенностях, а также на тех фигурах, которые пока еще менее известны в отечественной социологии. Поэтому мы выделяем в немецкой послевоенной социологии не собственно историко-хронологические периоды, а логические, каждый из которых отличается от других содержательно, хотя по времени они частично могут «пересекаться»: 1) первые послевоенные десятилетия и восстановление интеллектуальной мощи немецкой социологии, 2) ее расцвет, ознаменованный грандиозными теоретическими синтезами, 3) современный этап, свидетельствующий о дальнейшем расширении ее теоретических рамок, и 4) новейшие тенденции развития в XXI в. Охарактеризуем первые два этапа.

Особенности развития социологии в Германии в 1950-е – начале 1980-х гг.

Развитие теоретической социологии в мире в середине прошлого века определялось огромным влиянием теорий Парсонса. По меньшей мере два послевоенных десятилетия парсоновская парадигма господствовала в странах, доминировавших в социологии, – США, Франции, Великобритании. Согласно мнению немецкого историка социологии Уты Герхардт, в поствоенной Германии также развивалась веберовско-парсонианская парадигма, однако это развитие проходило в постоянной борьбе с другими парадигмами (прежде всего конфликтной и неомарксистской), которые были менее влиятельными, но достаточно значимыми. Об этом же пишут другие немецкие авторы – Э. Шойх и Й. Вайс⁹. В целом послевоенное развитие германской социологии – это не только возвращение ряда немецких социологов из эмиграции, но и рождение (или возрождение) социологических парадигм¹⁰. По Герхардту, это развитие характеризовалось особенностями, связанными с последствиями Второй мировой войны.

Во-первых, все послевоенное развитие страны, включая социальные науки, шло под знаком «преодоления» тяжелого груза нацистского прошлого. Не только первое послевоенное поколение социологов, но и вся нация долго еще ощущала «чувство вины» за развязывание Второй мировой войны и свою ответственность перед другими народами. В то же время многим гражданам Германии хотелось поскорее забыть те времена.

Во-вторых, к особенностям развития социологии следует отнести и разделение Германии, которое, в частности, определило и две линии развития социологии – социалистическую (ГДР) и западную (ФРГ). Однако в ГДР социология была очень сильно идеологизирована, в сфере социальной теории позволялось развивать только официальную марксистскую линию, а инакомыслие строго пресекалось¹¹. Интересно отметить, что в период co-существования «двух Германий» социология в этих странах развивалась по своей траектории, часто игнорируя другую¹². Главный теоретический интерес представляло быстрое развитие социологии в ФРГ. Оно шло столь бурными темпами, что уже в 1981 г. в ФРГ работало более 10 тыс. социологов, а диплом магистра можно было получить в 43 университетах¹³. Проблема «перепроизводства социологов» временно разрешилась в 1989 г.: после объединения западногерманские социологи быстро заполнили все научное пространство Восточной Германии, в том числе и открытые там новые научные центры, так что от прежней социологии ГДР ничего не осталось.

В-третьих, послевоенное развитие социологии шло под сильным интеллектуальным влиянием и с материальной и организационной поддержкой со стороны американской оккупационной администрации. Так, в 1945–1946 гг. большую роль в демократизации университетского образования и проведении денацификации немецких университетов сыграл Эдвард Хардхорн – американский специалист по проблемам университетского образования в Германии. В 1930-е гг. он провел исследование деятельности немецких университетов при нацизме и защитил диссертацию в США на эту тему. Бу-дучи приглашенным на работу в американскую оккупационную администрацию сразу после окончания войны, он побывал во всех немецких университетах, ознакомился с их состоянием и проблемами, энергично помогал в подготовке новых программ университетского образования. Хардхорн приложил много сил для скорейшего открытия всех 7 университетов в американской оккупационной зоне. Смерть помешала ему и дальше работать в этом направлении, однако до сих пор германские университеты с уважением чтят память об этом человеке. С 1946 г. в американской администрации работал другой американский социолог, Гарольд Гурвич, который также много сделал в эти годы для денацификации университетской системы образования и активного внедрения американских теорий в образование.

Прожив в Берлине полвека, став профессором Свободного университета в этом городе, в начале 1990-х гг. Гурвич выпустил 5-томник под названием «Демократия и антикоммунизм в Берлине после 1945», в котором на основе анализа данных опросов общественного мнения и изучения огромного количества документов дал блестящий анализ развития науки и образования, а также шокового состояния самого немецкого общества после войны.

Импорт идей из Америки оказал большое влияние и на эмпирическую социологию Западной Германии: многие молодые ученые получали степени или проходили научную стажировку в США, а затем переносили на немецкую почву проблематику, исследовательские методы и процедуры исследования.

Теория модернизации

В рамках американского влияния на европейскую (включая немецкую) социологию можно рассматривать и развитие неопарсонианства в 1950–1960-е гг. К началу 1950-х гг. в условиях «холодной войны» стала очень популярна теория модернизации, с помощью которой предпринимались попытки «научно доказать» превосходство западного общества и представить его как более высокую ступень в поступательном развитии человечества. Эта теория была предназначена для противостояния влиянию СССР на незападные страны, т. е. страны «третьего мира». Утверждалось, что историческое развитие осуществляется через эволюционный процесс модернизации как однолинейный переход от традиционного типа общества к обществу модерна, т. е. к «западному» типу. В любом «современном» обществе реализуются так называемые «эталонные переменные», или некие общие универсальные закономерности развития: совершаются рыночные отношения в экономике, нормы права используются для регулирования социальных отношений; активизируются демократические процессы и современные медиа. Только такое общество якобы и может считаться современным. В Германии работы американских социологов в русле этой теории были весьма популярны¹⁴.

На теоретической базе теорий модернизации в 1950-е гг. проводились междисциплинарные исследования, в частности, замерялась «степень близости» Германии по тому или иному параметру образцовому «обществу модерна». Только студенческие «левые» движения конца 1960-х гг. положили конец доминированию теории модернизации в западной социологии в описании и объяснении макросоциальных изменений, а также серьезно подорвали доверие и к парсоновской парадигме вообще (детальная критика этой теории дана В. Кноблем)¹⁵.

Несмотря на широкое распространение парсонианства в середине XX в., в Германии всегда оставались сильны и собственные немецкие гуманитарные традиции (герменевтика, философская антропология), с которыми были связаны все классики немецкой социологии XIX – начала XX в. и которые продолжали оставаться актуальными для молодых теоретиков, начавших профессиональную карьеру после Второй мировой войны.

В 1960-е гг. в немецкой социологии проходили горячие теоретические споры о позитивизме, начавшиеся с полемики между одним из лидеров критической теории Франкфуртской школы Теодором Адорно и создателем концепции критического рационализма Карлом Поппером в 1961 г. на заседании Германской социологической ассоциации. Спор был связан с резкой критикой Адорно позитивистского подхода к исследованию общества как отдельных ситуаций и уместности количественных методов в социологии. По мнению Адорно, отсутствие целостного концепта общества и применение количественных методов в социальных науках позволяет манипулировать человеком и посредством ложной интерпретации мира ведет его к саморабощению, а не к эмансипации. В этом споре участвовали Парсонс и Хабермас; последний защищал эмансипаторский идеал науки. В результате этой длительной полемики победа осталась за антипозитивистами. Дискус-

сия стала толчком для роста интереса к творчеству Вебера («ренессанс» начался с 1964 г., когда Вебер был «вновь открыт») и Маркса.

Однако теория модернизации продолжала развиваться и дальше в реформированном виде в трудах неопарсонианцев, а с середины 1980-х гг. она снова актуализировалась. Как объясняет причины этого возрождения теорий модернизации немецкий социолог В. Цапф¹⁶, упадок мировой системы социализма дал сторонникам модернизации новые эмпирические доказательства правоты этой теории.

Новый подъем интереса к наследию Парсонса в Германии связан с Рихардом Мюнхом, основной труд которого «Теория действия. К реконструкции вклада Талкотта Парсонса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера», написанный в 1982 г., был направлен прежде всего против других теорий действия, включая теории действия Хабермаса и Лумана¹⁷. Путем анализа большого количества источников Мюнх попытался доказать, что волонтиаристская теория действий Парсонса является вершиной социальной мысли и превосходит все другие теории. По мнению Мюнха, Парсонс избежал всех форм редукционизма, которые имеют место не только у современных немецких теоретиков, но и у классиков теории действия – Дюркгейма и Вебера. Полемизируя с Луманом, популярность которого в те годы росла, Мюнх заявлял, что излишняя радикализация функционализма, осуществленная Луманом, исказила смысл парсоновского представления о взаимопроникновении подсистем. Как утверждал Мюнх, для западного развития было характерно воздействие культурных образцов и ценностей на самые различные подсистемы, что привело к взаимопроникновению этики и современного мира. Иначе говоря, он доказывал, что тезис Парсонса о нормативной интеграции общества «работает» и в современном обществе. Мюнх остался верен парсонианскому нормативному функционализму и в более поздних своих работах, где он предпринял сравнительный анализ ведущих западных стран¹⁸.

Веберианство

Что касается неовеберианства, то одной из наиболее ярких фигур веберовского ренессанса является Вольфганг Шлюхтер, который интерпретировал веберовское наследие таким образом, чтобы доказать социологической общественности в конце 1970-х гг. его актуальность и конкурентоспособность в противоборстве с другими подходами к анализу современного немецкого общества¹⁹. Шлюхтер глубоко изучил работы Вебера по социологии религии и теории рациональности, внес личный вклад в реконструкцию веберовской теории рациональности. Он рассматривал идеальные типы Вебера в эволюционной перспективе, которая позволяла проанализировать не только эти модели, но и соответствующие исторические процессы в области политики, права, экономики. С 1976 г. более 10 лет он руководил Институтом социологии им. Макса Вебера в Гейдельбергском университете, был одним из редакторов полного собрания сочинений Вебера, изданного Баварской академией наук. В 1998–2002 гг. Шлюхтер – декан-учредитель Центра Макса Вебера по культурным и социальным исследованиям вновь открытого Эрфуртского университета, за заслуги в создании которого первым был удостоен звания Почетного доктора Эрфуртского университета.

Шлюхтер сделал веберовские теории весьма популярными в Германии. Однако, несмотря на возродившийся интерес к Веберу, далеко не все социологи посчитали возможным использовать веберовские идеи для анализа современного общества, а развитие теории рационализации в работах Шлюхтера некоторые критики назвали просто усовершенствованным вариантом теории модернизации.

Шлюхтер также развил начатый Вебером в отношении древних религий сравнительный анализ иудаизма, конфуцианства, даосизма, индуизма, ислама и христианства и др. Он попытался сопоставить их с современными научными исследованиями тех же религий, которые изучал Вебер; в резуль-

тате ему удалось продемонстрировать разнообразие не только проектов общества в разных религиях, но и самих стран, где эти религии развивались. Работы Шлюхтера в каком-то смысле послужили вкладом в подготовку дебатов о «множественности модернити», проходивших уже в конце XX – начале XXI в.

Неомарксизм

Возвращение в первое послевоенное десятилетие в Германию из США представителей Франкфуртской школы оказало значительное влияние на интеллектуальную жизнь Германии. В отличие от Соединенных Штатов, где пути философии и социологии разошлись еще до войны, в Германии развитие социальной теории не было разделено серьезными дисциплинарными барьерами. Да и сама система университетского образования Германии, которая давала студентам возможность первоначального широкого изучения ряда дисциплин, а не одной, также способствовала тесным взаимосвязям между социологией и философией. Поэтому социально-философские работы представителей Франкфуртской школы, посвященные осмысливанию нацизма, позднего капитализма (в частности, его культуры), были достаточно хорошо известны в социологии. В самой Германии и за ее пределами это направление сыграло большую роль в критике парсонианства и позитивизма в целом.

Сам интерес к марксизму подкреплялся в Германии именно путем знакомства молодых интеллектуалов с идеями Франкфуртской школы, однако не без некоторых особенностей: в послевоенных академических кругах принимали лишь отдельные идеи Маркса, подвергая ревизии учение в целом. В большей мере интересовалось марксизмом лишь молодое поколение – студенты, аспиранты, те, кто в 1960-х гг. громко заявлял о себе в студенческих выступлениях. Они возлагали большие надежды на критическую теорию Франкфуртской школы и хотели взять ее за теоретическую основу своих практических действий.

Поскольку Франкфуртская школа имела марксистские корни, она, так или иначе, стимулировала интерес не только к собственной критической теории общества, но и к осмысливанию и переосмысливанию всего марксизма далеко за своими пределами. Так, например, не скрывал своих марксистских взглядов научный руководитель Хабермаса по докторской диссертации Вольфганг Абендрот, возглавлявший в 1960-е гг. кафедру в Марбургском университете. Сам Хабермас также заслужил у директора Франкфуртского института социальных исследований М. Хоркхаймера репутацию «слишком левого» за свои открытые симпатии к марксизму (по этой причине в 1961 г. он был даже вынужден покинуть институт на три года, пока в 1964 г. не вернулся туда уже его директором после ухода на пенсию Хоркхаймера).

Изучая марксизм, Хабермас интересовался прежде всего его нормативно-философскими элементами. Он предложил свою интерпретацию Маркса, стремясь отмежеваться от других интерпретаций (включая и советскую) и проводя четкое различие между теоретическим наследием Маркса и попытками его воплощения в советской практике того времени.

Неомарксисты критически проанализировали политico-социологическое содержание марксизма и пришли к выводу о том, что многое в нем устарело и не адекватно современному обществу. Хотя их влияние существенно ослабло после окончания периода «неомарксистского ренессанса»²⁰, тем не менее они и сегодня занимают в социологии Германии свою нишу и участвуют в осмысливании новых проблем общества.

Конфликтная парадигма

Развитие германской социологии в середине XX в. не только испытывало американизацию; в случае с конфликтной парадигмой именно немецкая социология в лице Ральфа Дарендорфа повлияла на социологию Великобритании и США. Дарендорф всегда был тесно связан с академическим миром

Великобритании. Написанная им в середине 1950-х гг. статья «Структура и функция. Талкотт Парсонс и развитие социологической теории» оказала прямое влияние на становление взглядов британских теоретиков конфликта Д. Локвуда и Д. Рекса (в частности, Локвуд прямо повторяет критику Дарендорфом парсоновского нормативизма). В своей известной работе «Социальные классы и классовые конфликты в индустриальном обществе»²¹ Дарендорф дополняет начатую им критику Парсонса, опираясь на классовую теорию Маркса, используемую им как инструмент объяснения социальных конфликтов. Правда, при этом он полностью отбрасывает историко-философские и политэкономические аспекты Марковой теории, акцентируя внимание на проблемах авторитета и власти: власть и господство провозглашаются им важнейшими факторами, из которых выводятся социальные отношения, в том числе и отношения собственности. «Собственность – это далеко не единственная форма господства, а лишь один из множества ее видов»²².

Главные принципы модели конфликта, предложенные Дарендорфом, радикально не подрывали парадигму Парсонса, но предлагали более адекватные теоретические способы и пути объяснения социальных изменений в современном обществе посредством анализа отношений власти и господства. Динамика развития сводится у него к борьбе за власть, к которой якобы стремятся все те группы, которые ее не имеют. Отсюда и постоянные конфликты между различными конкурирующими социальными объединениями.

Хотя Дарендорф постоянно критиковал парсоновский подход к обществу как односторонний, он скорее предлагал дополнить его своей теорией конфликта, чем отбросить вообще. Так, в работе «Тропы из утопии. О новых ориентирах социологического анализа» он пишет: «...для объяснения социологических проблем нам необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; возможно, человеческое общество... всегда имеет два лица одной и той же реальности: одно лицо – это аспект стабильности, гармонии и консенсуса, другое – аспект изменений, конфликта и принуждения»²³.

Таким образом, разрабатывая теорию конфликта, Дарендорф не только использует (правда, выборочно) наследие Маркса, но и пытается соединить выводы Маркса с выводами Вебера, дополнить и «исправить» Маркса при помощи веберовского инструментария. Интересно отметить, что так называемый веберианский марксизм, или левое веберианство, был особенно популярен не в Германии, а среди «левых» в Великобритании. Дарендорф, который в середине 1970-х гг. уехал в Лондон (возвращаясь в Германию периодически лишь в конце XX в. для чтения лекций в ряде университетов), не был марксистом веберианского толка: он «подкорректировал» идеи Маркса с помощью теории Вебера, а также других авторов. Сам Дарендорф до конца жизни оставался сторонником социального либерализма.

Теории конфликта оказались плодотворным фундаментом для ряда эмпирических исследований в Германии, они стали популярными, например, в социологии образования, социологии профессий, гендерной социологии, социологии девиантного поведения.

Не случайно на этом фоне общего интереса к теории в 1970-е гг. и начинается процесс, который в современной литературе называют «возвращением центра развития теоретической социологии в Европу». По мнению ряда ученых, не просто в Европу, а именно в Германию: именно здесь в 1980-е гг. появятся теории Хабермаса и Лумана, синтезирующие разные парадигмы социологии.

Теории синтеза в немецкой социологии (1980-е гг.)

Юрген Хабермас

Первая попытка теоретического синтеза, которая практически доказала, что центр теоретической социологической мысли вновь переместился в Европу, принадлежит теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, изложенной им в работе «Теория коммуникативного действия» (1981). Автор

работал над ней 8 лет. Это был первый в послевоенной Европе масштабный теоретический социально-философский синтез идей, который не только противостоял синтезу Парсонса, но и «преодолевал» разногласия между господствовавшими парадигмами (структурной, конфликтной, интеракционистской, бихевиористской, этнometодологической) с собственных позиций, выросших из сплава гегелевско-марксистских, герменевтических и иных идей в совершенно самостоятельную конструкцию. Хабермас исходит из признания того, что в процессе филогенеза и онтогенеза процессы когнитивного и нравственного научения проходили независимо друг от друга. По аналогии с ними независимо развивались процессы в сфере производства и интеллектуальной жизни, т. е. в сфере труда и интеракции. В каждой из них имеется своя внутренняя логика развития, поэтому экономический детерминизм в объяснении социальных или нравственных изменений совершенно неуместен²⁴.

В этом «главном труде жизни» Хабермас выделяет четыре разные темы: теория рациональности, теория действия, теория социального порядка и диагноз времени (под влиянием Хабермаса эта последняя тема стала одной из ключевых в последующем развитии всей немецкой социологии). Рассмотрим их кратко, так как каждая необходима Хабермасу в построении синтеза.

Теория рациональности. Как и Парсонс в «Структуре социального действия», Хабермас подробно разбирает работы предшественников (Дюркгейма, Вебера, Мида, Хоркхаймера, Адорно, Парсонса) с целью доказательства, что теории рационального действия требуют сегодня дополнения другой моделью действия, связанной с символически опосредованной коммуникацией. Исходя из потребностей повседневной речевой практики, Хабермас утверждает более широкое понимание разума и рациональности, чем утилитаристы или постмодернисты, и дает им названия «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного разума». В любом речевом высказывании и действии, по его мнению, имеют место притязания на истинность, нормативную правильность и правдивость в отношении собственных переживаний субъекта действий. Иначе говоря, в каждом действии присутствует и когнитивный, и экспрессивный, и нормативный аспекты, хотя и не в равной мере. Новая модель рациональности, таким образом, синтезирует эти аспекты, которые в других моделях рациональности обычно разделялись. Из данной широкой трактовки рациональности Хабермаса вытекает его дискурсная теория истины и морали, ставшая отправной точкой многих современных дискуссий в теории науки и этике.

Теория действия. В соответствии с новой концепцией рациональности Хабермас выделяет три основных типа действия: инструментальное действие, направленное на манипулирование внешним миром; нормативное действие, которое основано на сообразности социальных отношений; и драматургическое действие, главная цель которого – саморепрезентация. Однако Хабермас постоянно подчеркивает различия между узкогоциональным действием (инструментальным, направленным на материальные объекты, и стратегическим, направленным на других субъектов) как построенным по схеме «цель – средство» и коммуникативным действием, которое (как и нормативное и драматургическое) ориентировано на другого, но отличается от всех действий тем, что оно направлено на достижение *взаимопонимания*: «Акторы стремятся к взаимопониманию относительно ситуации действия, с тем чтобы в согласии координировать свои планы действия и, соответственно, сами действия»²⁵. Коммуникативное действие не ориентировано на заранее заданную цель и средства ее достижения, оно нетелеологично и предполагает использование языка как посредника в ориентации на поиск взаимопонимания.

Предложенная концепция действия синтезирует все прежние теоретические достижения и вбирает в себя не только типы действия Вебера и Пар-

сонса, но и идеи Гофмана, Мида, других предшественников. Действительно, это синтетическая концепция, претендующая на то, чтобы сменить односторонние подходы на целостное видение социального действия.

Теория социального порядка. Теория порядка непосредственно связана с предыдущими концепциями. Автор выделяет два диахотомичных типа социального порядка – жизненного мира и системы, различие между которыми обусловлено различиями между коммуникативным действием, с одной стороны, и инструментальным и стратегическим (т. е. целеориентированным) действиями – с другой. Люди действуют в обоих типах порядка, руководствуясь разными нормами, поэтому интеграция общества требует воздействования разных механизмов для каждого типа порядка. С одной стороны, социальная интеграция общества объединяет людей благодаря общим ориентациям действия. Этот процесс объясняется через понятие жизненного мира. С другой стороны, с целью исследования механизмов системной интеграции общества необходимо использовать инструменты функционального анализа и понятие системы. Хабермас соединяет в своем анализе эти два понятия, взятые из разных традиций, так как только использование обоих этих понятий может способствовать разработке надежных диагнозов времени и формированию критического взгляда на современные общества. Так осуществляется его синтез теории действия и системной теории.

Диагноз времени. Проблема диагноза времени разрешается Хабермасом на основе анализа социальной эволюции как исторического процесса постепенного разделения системы и жизненного мира в ходе развития дифференциации общественных структур. Здесь Хабермас солидаризируется с парсоновским подходом к развитию через социальную дифференциацию. Вслед за Парсонсом он выделяет деньги и власть как «посредников коммуникации» в сферах экономики и политики, которые окончательно выделились из сферы интеракции членов общества и поэтому нуждаются в коммуникативных посредниках. В диагнозе времени он пытается найти разумное соотношение между жизненным миром и системами, которое учитывало бы и заложенную в языке потенциальную рациональность и потребность современного общества в эффективности. Вывод Хабермаса довольно критичен: равновесие между системой и жизненным миром нарушено. Системные отношения наступают на жизненный мир, желают полностью колонизировать его. Угроза подчинения жизненного мира исходит с двух сторон: от рынка и государства, которое посредством бюрократизации и правового регулирования всех социальных отношений постоянно вытесняет коммуникацию, осуществляющую по принципам жизненного мира (т. е. ориентированную на взаимопонимание, а не на эффективность достижения цели).

Таким образом, диагноз времени, по Хабермасу, – растущая угроза со стороны рынка и государства жизненному миру и коммуникации. Хабермас продолжает критику отчуждающих аспектов современного общества, имевшую место у Маркса и Франкфуртской школы, актуализирует веберовские страхи перед тенденцией капитализма ко всеобщему овеществлению, но не впадает в «тотальный пессимизм». Он оставляет надежду на то, что развитие общества не позволит системным механизмам окончательно поработить жизненный мир, и указывает на конкретные механизмы противоборства этим попыткам системы постоянно вмешиваться в повседневную жизнь людей.

Взгляды Хабермаса на эту проблему оказали значительное влияние в 1980-е гг. на общественные дебаты в Германии о ее настоящем и будущем, хотя критика и отмечала абстрактность его рассуждений, отсутствие пригодных для эмпирической работы критериев и индикаторов анализа современного общества. Впрочем, Хабермас не остановился на «Теории коммуникативного действия»: он продолжал ее развивать в более поздних работах «Философский дискурс модерна»²⁶ и «Фактичность и значимость. Работы по дискурсной теории права и демократического правового госу-

дарства»²⁷, где критикует ограниченность постмодернизма и постструктурализма и рассматривает философию права и ее роль в современном обществе как интегратора системы и жизненного мира. На этом основании, в частности, он доказывает, что адекватной формой коллективной идентичности (и, следовательно, интеграции) может быть только конституционный, а не ценностный патриотизм, т. е. ограничивает роль ценностей, столь значимую у Парсонса.

В целом, несмотря на развитие своего теоретического синтеза, Хабермас оставляет нерешенными многие вопросы (в частности, относящиеся к ценностно-религиозному контексту современной Германии), что отмечается и его критиками, и его последователями²⁸.

Никлас Луман

Вторая важнейшая по значимости фигура немецкой социологии послевоенного периода и второй автор синтеза теоретических идей в социологии – Никлас Луман и теория систем. Свою глобальную задачу в социологии Луман видел в том, чтобы сначала разобраться в сущности проблем, вызывающих ожесточенные споры между конкурирующими парадигмами, а затем переформулировать их таким образом, чтобы решить проблемы. Инструментом для этого Луман избрал радикальный функционализм. В начале 1980-х гг., т. е. параллельно с Хабермасом, Луман перестраивает теорию (совершает «аутопойетический поворот»), т. е. доводит функциональный метод анализа до универсального, с помощью которого можно и нужно рассматривать любые системы.

Луман стал заниматься социологией лишь в начале 1960-х гг. после стажировки в Гарварде (США), во время которой он тесно общался с Парсонсом и воспринял идеи функционализма. Вернувшись в Германию, при поддержке известного немецкого социолога консервативного направления Гельмута Шельски Луман в 1966 г. защитил сразу две диссертации и был приглашен в основанный Шельски новый университет в Билефельде. Луман стал широко известен с 1971 г. как главный оппонент Ю. Хабермаса и его критической теории общества. В результате их споров, как пишут Х. Йоас и В. Кнебл, немецкая теоретическая социология разделилась на два лагеря – Лумана и Хабермаса, тогда как другие теоретические направления оказались под угрозой маргинализации²⁹. И сегодня, спустя более 40 лет, значительное число немецких социологов по-прежнему разделено в своих предпочтениях между этими двумя главными школами и персоналиями их лидеров.

Бесспорно, кроме работ Парсонса, на становление теоретических взглядов Лумана оказали значительное влияние и немецкие традиции: философская антропология А. Гелена, феноменология Э. Гуссерля, а также тенденции развития исследований в биологии, которыми Луман всегда интересовался и из которых заимствовал некоторые идеи. Повлиял также личный опыт работы Лумана как профессионального юриста и его первоначальное юридическое образование, хорошее знание бюрократической системы. Лумана относят к послевоенному германскому поколению «скептиков», которых слишком часто обманывали режимы власти, в результате чего они утратили великие идеалы и отказались от участия в любых нравственных и политических спорах. Действительно, Луман всегда старался отмежеваться от политики и отказывался от нравственных оценок в своих трудах.

В Германии Луман воспринимался сначала как продолжатель Парсонса. В 1970-е гг. он занимается социологией права и организаций. Только после выхода в 1984 г. его главной работы «Социальные системы. Очерк общей теории»³⁰ Луман стал оцениваться как независимый теоретик, более того – создатель собственной радикальной функциональной теории систем. Сделав акцент на функционализме, он заменил сам термин «структурный функционализм» на «функционально-структурную системную теорию»: «Функционально-структурная теория может ставить вопрос о функции системных структур, не предполагая при этом в качестве отправной точки своего во-

проса общую структуру системы»³¹. Такой поворот позволил Луману изначально избавиться и от нормативизма Парсонса и от абсолютизации ценностей и норм для объяснения социального порядка. Он также отделяет системы (в том числе социальные) от окружающего мира, что позволяет ему включить в анализ системы и мира более широкий контекст, чем у Парсонса. Отказ от приоритетности понятия «система» избавляет Лумана и от апологетизма Парсонса, который всеми силами пытался найти механизмы и средства поддержания порядка и социальной интеграции системы. Напротив, Луман исходит из признания того, что основные проблемы социальных систем решаются при помощи наличных структур лишь временно, причем в других условиях эти проблемы могут решаться другими структурами (тоже временно). Это означает отказ от парсоновского функционализма, четко привязывавшего функции к определенным структурным компонентам. Луман назвал свой подход «эквивалентным функционализмом», подчеркнув, что всегда могут быть найдены эквивалентные решения любой проблемы системы.

Луман радикально выступает против каузальных объяснений, считая их ненаучными: в условиях комплексных систем действия нельзя точно выявить причины и последствия, а следовательно, делать прогнозы относительно будущего развития системы. Однако в рамках эквивалентного функционализма можно «проигрывать в уме» множество вероятностных сюжетов развития отношений в системе, при этом ни один вариант не считается «истинным». Тем самым теория Лумана предоставляет эвристические возможности анализа самых разных проблем общества, касающихся его устойчивого развития в окружающем мире. Он пишет: «Функционалистский анализ не фиксирует действующего субъекта на полное и надежное окончание его действия или на правильно представляющую цель. Он также не пытается объяснить действие некими причинами, прописанными в законах. Он интерпретирует действие с точки зрения избранных, абстрактных и, соответственно, взаимозаменяемых аспектов с тем, чтобы сделать его понятным в качестве одной из существующих возможностей...»³²

В работе «Социальные системы» Луман отстаивает позицию, согласно которой системы реально существуют, а не являются лишь категорией анализа (как у Парсонса). Развивая понятие системы, он выделил три фазы системно-теоретического мышления³³: сначала система понималась как отношение между частью и целым (система «часть – целое»), затем система рассматривалась в отношении к окружающему миру и возможностей ее адаптации («система – окружающая среда»). На базе такого рассмотрения, по аналогии с нейрофизиологией и биологией, в социальных науках развивается теория самореферентных систем (операциональная закрытость системы и внутреннее развитие по своей логике). После этого Луман рассмотрел подсистемы науки, экономики, политики и т. п. как функционально дифференцированные и развивающиеся независимо друг от друга. По Луману, они не могут эффективно управляться извне или координироваться с другими. Поэтому, скажем, любые попытки государственного вмешательства в экономику или науку высмеиваются Луманом как имитационные. Системы не поддаются контролю извне: функциональная дифференциация сделала это невозможным.

Этот радикальный пессимизм отражает лумановский диагноз времени: изменить систему воздействием извне невозможно. Каждая подсистема живет по своей системной логике, является аутопойетической и не корректируется в отношении других подсистем. Подсистемы могут лишь «переводить» попытки влияния извне на свой собственный язык, но не изменяться под внешними воздействиями. В практической плоскости это, в частности, означает бессмысленность движения «зеленых» повлиять на политику немецкого государства, а также невозможность государства адекватно приспособиться к новым экологическим угрозам: современное общество не оставляет места для координации подсистем как целого.

Радикальная позиция управленческого пессимизма Лумана не означала, что он был против мер по защите окружающей среды или политических реформ под воздействием давления общественности. Просто он хорошо понимал ограниченность этих мер и возможностей. Данный подход вызывал критику в адрес Лумана, однако независимо от результата и мнения критиков попытка Лумана создать синтетическую системную теорию расценивалась современниками как столь же важная, что и теоретический синтез Хабермаса.

Подводя итоги нашему рассмотрению послевоенного периода развития социальной теории в рамках немецкой социологии, отметим: теоретический взлет немецкой социологии в 1970–1980-е гг. свидетельствует, что довольно быстро, за 20–25 лет, социология в Германии сумела преодолеть печальные последствия нацистского периода истории своего общества и его влияния на развитие данной науки. Практически немецкая социология вернула свои позиции одной из доминирующих стран Европы в сфере социально-философской мысли.

¹ См.: Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998; Он же. Ренессанс М. Вебера на Западе (вторая половина 70-х–80-е годы) // История теоретической социологии: в 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 436–465.

² См.: Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб., 2002; Немецкая социология / Под ред. Р. А. Шлаковой. СПб., 2003.

³ См.: Здравомыслов А. Г. Национальные социологические школы в современном мире // Общ. науки и современность. 2007. № 5. С. 114–130; Он же. Поле социологии в современном мире. М., 2010; Он же. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам // Вестн. Ин-та социологии РАН. 2010. № 1. С. 180–202.

⁴ См.: Scheuh E. German Sociology // Encyclopedia of Sociology. New York, 1992. Vol. 4. P. 762–772; Weiss J. Sociology in the Federal Republic of Germany // N. Genov (ed.). National traditions in Sociology. London, 1989. P. 100–117; Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland // A History of 20th-Century Sociology: German Case Studies. Stuttgart, 2009.

⁵ Scheuh E. German Sociology. P. 763.

⁶ Joas H., Knöbl W. Social Theory. Twenty Introductory Lectures. Cambridge, 2009.

⁷ См.: Давыдов Ю. Н. Ренессанс М. Вебера на Западе (вторая половина 70-х–80-е годы). С. 436–465.

⁸ Йоас Х. Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире // Социс. 2010. № 8. С. 113.

⁹ См.: Scheuh E. German Sociology. P. 762–772; Weiss J. Sociology in the Federal Republic of Germany. P. 762; Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland. P. 110–111.

¹⁰ См.: Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland // A History of 20th-Century Sociology: German Case Studies. Stuttgart, 2009.

¹¹ См.: Joas H. War and Modernity. Cambridge, 2003.

¹² См.: Weidig R. Sociology in German Democratic Republic // N. Genov (ed.). National traditions in Sociology. London, 1989. P. 81–99.

¹³ См.: Weiss J. Sociology in the Federal Republic of Germany // N. Genov (ed.). National traditions in Sociology. London, 1989. P. 104–105.

¹⁴ См.: Zapf W. Die Theorien der Modernisierung. Köln, 1971.

¹⁵ См.: Knöbl W. Spielräume der Modernisierung. Das Ende der Eindeutigkeit. Weilerswist, 2001.

¹⁶ См.: Zapf W. Die Modernisierungstheorie und unterschiedlich Pfade der gesellschaftlichen Entwicklung // Leviathan. 1996. Vol. 24. № 1. S. 63.

¹⁷ См.: Munch R. Theorie des Handelns. Zur Rekonstruktion der Beiträge von Talcott Parsons, Emile Durkheim und Max Weber. Frankfurt a. M., 1982.

¹⁸ См.: Munch R. Die Struktur der Moderne. Grundmuster und differentielle Gestaltung des institutionellen Aufbaus der modernen Gesellschaften. Frankfurt a. M., 1984; Munch R. Die Kultur der Moderne. Frankfurt a. M., 1986. Bd. 2.

¹⁹ См.: Schlüchter W. Die Entwicklung des okzidental Rationalismus. Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1979.

²⁰ См.: Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998.

²¹ См.: Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.

²² Там же. С. 139.

²³ Dahrendorf R. Pfade aus Utopia. Zu einer Neuorientierung der soziologischen Analyse // Pfade aus Utopia. Theorie und Methode der Soziologie. München; Zürich, 1986. S. 262.

²⁴ См.: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bande. Frankfurt a. M., 1981 (англ. изд.: Habermas J. The Theory of Communicative Action. London, 1984. Vol. 1-2).

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

²⁷ См.: Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M., 1992.

²⁸ См.: Honneth A. Kritik der Macht. Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt a. M., 1986; Honneth A., Joas H. (eds.). Kommunikatives Handeln. Beiträge zu Jürgen Habermas' «Theorie des kommunikativen Handelns». Erweiterte und aktualisierte Ausgabe. Frankfurt a. M., 2002.

²⁹ См.: Joas H., Knöbel W. Social Theory. Twenty Introductory Lectures. Cambridge, 2009. S. 251.

³⁰ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Газиева. СПб., 2007.

³¹ Luhmann N. Soziologie als Theorie sozialer Systeme // Soziologische Aufklärung 1. Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme. Opladen, 1970. S. 114.

³² Luhmann N. Funktion und Kausalität // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 1. Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme. Opladen, 1970. S. 27.

³³ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Газиева. СПб., 2007. С. 17.

Поступила в редакцию 21.08.11.